

Редакционная коллегия:

проф. В. И. Авдиев, акад. АН АрмССР С. Т. Еремян,
д.и.н. К. К. Зельин (зам. главного редактора), д.и.н. Д. П. Каллистов,
к.и.н. Ю. К. Колосовская (ответственный секретарь),
д.и.н. М. А. Коростовцев, акад. АН ГрузССР Г. А. Меликишвили,
чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, к.и.н. Н. М. Постовская,
к.и.н. О. И. Савостьянова, проф. С. Л. Утченко (главный редактор),
д.и.н. Е. М. Штаерман

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР, тел. 126-94-37

М. А. Коростовцев

О ПОНЯТИИ «ДРЕВНИЙ ВОСТОК»*

Г ОВОРЯ об истории древнего Востока, естественно поставить вопрос, что такое «древний Восток», какое конкретное содержание обозначается этим термином? По этому поводу в научной литературе было достаточно разногласий и полемики.

Термин «древний Восток» является скорее научной абстракцией, чем адекватным отражением конкретной исторической реальности. Отметим, что контуры содержания термина «древний Восток», как исторической реальности, далеко еще не общепризнаны. Но отрицать за этим термином наличие конкретного и вместе с тем однородного и типологического в основных чертах содержания значило бы отрицать бесспорные факты. Наилучшее представление о содержании термина дают некоторые приводимые ниже определения.

Акад. Б. А. Тураев в своем «Введении» к «Истории древнего Востока» следующим образом определил этот термин: «История древнего Востока — первая глава истории человечества, истории цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству... Можно даже спросить, не устарел ли в настоящее время самый термин „история древнего Востока“ так же, как и традиционные термины для других отделов истории древнего мира. Термин „Восток“, который мы прилагаем к странам, выработавшим начало всемирно-исторической цивилизации, представляет наследие римского времени и той культурной двойственности, при которой романизованному Западу противопоставлялся эллинистический Восток... Наш термин греко-римского происхождения, но для древних классических народов он был скорее географическим, чем культурно-историческим. Для нас дело обстоит иначе. С одной стороны, наша цивилизация захватила район неизмеримо больший, чем классическая, и проникла в страны, для которых области древних цивилизаций отнюдь не могут быть восточными, с другой, — и древневосточная культура имела свое распространение на западе и юге и, достигнув блестящего развития в Карфагене, приобщив себе Нумидию, Мавританию и через Египет тропическую Африку, она тем самым сделала „древний Восток“ условным культурно-историческим термином для обозначения стран древних цивилизаций, возникших к востоку от Греции и непосредственно хронологически и духовно предшествовавших греко-римской»¹. Таким образом, термин «древний Восток» является термином культурно-историческим. Однако это определение без конкретных географических рамок все же имеет слишком абстрактный, и более того, неопределенный характер: остается непонятным, где все же конкретно была расположена эта совокупность древнейших классовых обществ, из каких именно обществ она состояла.

* Печатается в порядке дискуссии.

¹ Б. А. Тураев, История древнего Востока, I, М.—Л., 1935, стр. 1—2.

В зарубежной и нашей отечественной науке о древнем Востоке под термином «древний Восток» подразумевались древнейшие государства Ближнего и Среднего Востока, включая Египет, Навпату, Мероэ и Карфаген на африканском континенте. Во втором издании курса «Истории древнего Востока», написанного акад. В. В. Струве, маститый ученый раздвинул эти традиционные географические рамки и включил в историю древнего Востока Индию и Китай. Принципиально это совершенно правильное решение вопроса: история древнего Востока становится историей всех (а не части) древнейших классовых обществ на земле, а эти общества как раз и были расположены именно на Востоке — Ближнем, Среднем и Дальнем. Таким образом, в термине «древний Восток» органически синтезируются содержание типологическое и содержание географическое, и «древний Восток» предстает перед нами как некое географическое и культурно-историческое целое.

Однако остаются еще не разрешенные до конца вопросы: как надо рассматривать древнейшие классовые общества, возникшие вполне самостоятельно, не на территориях древнего Востока? К таким обществам относятся, во-первых, древнейшее общество Крита, синхронное с цивилизациями древнего Востока и географически близкое к нему, и общества древней Америки и тропической Африки, географически и хронологически отдаленные от древнего Востока, но типологически к нему близкие?

Однозначного ответа на этот вопрос в науке нет, и разные ученые подходят к разрешению его по-разному. Поэтому, быть может, закономерно рассматривать в «истории древнего Востока» также исторические судьбы Крита, хронологически и географически примыкающего к «древнему Востоку» в общепринятом смысле слова, и обществ древней тропической Африки и даже Америки ввиду их типологической близости, по крайней мере в некоторых важных аспектах, к традиционному «древнему Востоку».

Почему самые древние в мире классовые общества и культуры возникли именно на Востоке? Уже самая постановка этого вопроса предполагает, что ответ на него должен содержать в какой-то мере освещение влияния географической среды на исторический процесс. Любое человеческое общество живет и развивается в конкретной географической среде и находится с ней в определенном взаимодействии, которое остается неизменным на протяжении истории данного общества.

Довольно широко распространенная недооценка географического фактора в свете непредвзятых исследований оказывается не соответствующей исторической действительности. Напомним слова К. Маркса о том, что «слишком расточительная природа ведет человека, как ребенка на помочах. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала»². Таким образом, К. Маркс даже в связи с возникновением капитала придавал географическому фактору серьезное значение.

Хотя эта проблема неоднократно затрагивалась в марксистской литературе, все же следует признать, что она недостаточно разработана. Во всяком случае, можно сформулировать следующее несомненное положение: влияние географической среды на данное общество обратно пропорционально технической вооруженности этого общества. Иначе говоря, это значит, что чем ниже технический уровень развития общества, тем сильнее влияет на него географическая среда и наоборот. Очевидность этого положения вряд ли можно оспаривать.

Исходя из этого положения мы и должны обратиться к исследованию интересующего нас вопроса — почему древнейшие цивилизации возникли именно на Востоке?

² К. М а р к с, Капитал, I, Соч., т. 23, стр. 516 сл.

Прежде всего подчеркнем весьма важный факт — древнейшие культурные общества в мире возникли из доклассовых обществ, т. е. из обществ, технически почти что невооруженных для борьбы с природой. Древнейшие классовые общества поэтому также были очень слабо вооружены для этой борьбы. Таким образом, и доклассовое общество, из которого возникло древнейшее классовое общество, и это последнее неизбежно подвергались мощному воздействию географической среды. Особенности этой среды и были факторами, способствовавшими зарождению древнейших культур именно в этой, а не в другой географической среде. Проблемы влияния географической среды не вообще на общество, а именно на древнейшее общество очень удачно разработана еще в прошлом веке Л. И. Мечниковым³, монография которого незаслуженно забыта. Географическая среда — это сложный комплекс разных естественных факторов, т. е. климат, орографические особенности земной поверхности, наличие или отсутствие рек и т. д. Отметим, что «климат большинства местностей лишь отчасти соответствует их географическим широтам» (там же, стр. 40) и что «древнейшие цивилизации северного умеренного пояса, каковы, например, египетская и ассиро-вавилонская, равно как и древнейшие арийские культуры Ирана и Индии, получили особенное развитие и, так сказать, расцветали в подтропических странах с изотермой $+22^{\circ}$ » (там же, стр. 37). Но климатические условия — это только один из необходимых компонентов для зарождения и расцвета древнейших человеческих культур. Как показывают факты исторического порядка, древнейшие культуры зародились в долинах рек, имевших свойство ежегодно разливаясь. Разлив таких рек для обществ, живших по их берегам, мог иметь два диаметрально противоположных результата: умело использованный разлив реки — это жизнь и благосостояние народа. И наоборот, разлив, неурегулированный человеком, — это грозная стихия, бедствие, разрушение, смерть. Иначе говоря, сама природа ставила перед человеком трудную, очень трудную, но возможную для решения проблему обуздания стихии реки. «Под страхом неминуемой смерти река-кормилица внушает населению солидарность и стремление объединить свои силы... Типичная культурная река Нил ежегодно своими благотворительными наводнениями не только создавала плодородную почву для Египта, но вместе с тем создавала и замечательно искусно организованное общество»⁴.

К этим совершенно правильным в конечном итоге словам Л. И. Мечникова следует добавить следующее: периодические разливы рек (т. е. географическое условие данной среды) были использованы человеком вполне сознательно, как его орудие, для удовлетворения его жизненных потребностей, стали одним из средств его труда, превратились в мощную производительную силу, в сильной степени повлиявшую на производственные отношения и через них и на надстройку. К. Маркс указал, что «необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, порождает контроль государства над обществом»⁵.

Так влияли на древнейшие человеческие общества не только Нил, но и другие великие реки, разливающиеся ежегодно. Именно поэтому «среди бесчисленной массы „званных“ народов избранными всюду и везде оказывались обитатели реки с одинаковыми особенностями»⁶. Такими реками

³ Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки, пер. с франц. М. Д. Городецкого, СПб., 1898.

⁴ Мечников, ук. соч., стр. 118.

⁵ К. Маркс, Капитал, I, Соч., т. 23, стр. 522.

⁶ Мечников, ук. соч., стр. 175.

были уже упомянутый Нил и великие реки Месопотамии, Индии и Китая. Именно долины этих рек и были очагами древнейших культур. Население стран, так или иначе входивших в бассейны этих рек и более или менее удаленных от долин рек, воспринимало культуру, созданную жителями речных долин, естественно несколько позже. Культура этих обществ, заимствованная у обитателей долин рек, естественно содержала ряд элементов древнейших, оригинальных речных культур. Так, например, в Библии, как известно, рассказывается миф о потопе, заимствованный из Двуречья, где он возник, — в Палестине не было никаких предпосылок для возникновения подобного сказания. Но так или иначе создавались значительные ареалы, населенные носителями культур, созданных речными жителями.

Железная необходимость создавать обширные ирригационные сооружения требовала совместной работы всего народа под сильной властью: «отсюда древнейшие крупные политические образования на началах деспотизма»⁷.

Таким образом, географический фактор в процессе возникновения древнейших культур был не только ускоряющим фактором, но и в значительной мере фактором, определяющим политическое устройство древнейших государств. Отрицать эту совершенно очевидную связь вряд ли возможно. Здесь естественно возникает вопрос: как объяснить возникновение древних американских культур, зародившихся и развивавшихся не на берегах разливающихся рек? В конечном итоге решает не река сама по себе, а тот сложный комплекс географических условий, который побуждает людей объединяться в крупные коллективы под неограниченной центральной властью для ожесточенной борьбы против природы, которая внушает населению одно из двух: «смерть или солидарность»⁸.

Однако географический фактор не является чем-то абсолютно стабильным: он сам в ряде случаев подвержен весьма существенным изменениям, которые оказывают несомненное влияние на развитие человеческого общества. Ярким тому примером служит история ряда народов и в частности история хазар, которой посвящено исследование Л. Н. Гумилева⁹. «Он выясняет закономерности исторического процесса, опосредствованного изменениями природы, и показывает важную роль природного фактора в жизни людей. Вместе с тем в ней нет ничего похожего на созданный вульгарным материализмом географический детерминизм. Географическая среда и изменения в природе не могут быть безразличными для людей»¹⁰.

Речь идет о периодах усыхания и увлажнения огромных территорий, являющихся следствием строго установленных метеорологических явлений и выражающихся в таких существенных изменениях ландшафта, которые оказывают самое существенное влияние на экономику и исторические судьбы народов, населяющих эти территории¹¹. Например, «в теплый и сухой суббореальный период в Южной Сибири развились палеометаллические культуры. Они развивались на границе тайги и степи в доисторический период, но наступление холодного периода и продвижения леса на юг подорвало их экономические возможности, и культура их стала клониться к упадку. Зато для обитателей монгольской степи увлажнение и появление лесных островков явилось благом, и степное хозяйство, как скотоводческое, так и охотничье, в середине первого тысячелетия н. э. вступает в период расцвета. Но во втором тысячелетии н. э. это увлажнение прекратилось.

⁷ Тураев, ук. соч., I, стр. 60.

⁸ Мечников, ук. соч., стр. 176.

⁹ Л. Н. Гумилев, Открытие Хазарии, М., 1966.

¹⁰ М. И. Артамонов, Предисловие к кн. Гумилев, ук. соч., стр. 6.

¹¹ Там же, стр. 28—31.

Степи иссохли, источники исчезли, реки превратились в сухие русла, а речные пески, отложившиеся на их дне, стали достоянием ветра и превратились в барханы¹². «При долговременных засухах площадь горных лесов сокращается, равно как и площадь степей, зато разрастаются каменистые пустыни, где жизнь исчезает. Тогда сокращается население и падает могущество кочевых держав. Именно это явление можно наблюдать, проследив историю хуннов»¹³.

Все это, однако, ни в какой мере не противоречит многим хорошо известным историческим фактам вмешательства человека в стихийные природные процессы. Это вмешательство может быть эффективным в том, и только в том случае, когда потенциал технической вооруженности общества превосходит мощностъ стихийного процесса. Приведем здесь следующие слова Б. А. Тураева о Вавилонии. «Этот цветущий край, этот сад Эдемский, удивлявший Геродота и других попадавших туда греков и римлян, теперь¹⁴ представляет пустынное болото. И причиной этому не перемена климата, который остался тем же, а плохое управление и обезлюдение, обусловившее расстройство системы каналов и шлюзов, а следовательно, превращение страны в болото»¹⁵. Иначе говоря, плохая администрация подорвала техническую вооруженность общества, последнее оказалось беззащитным против стихийных процессов.

Влияние географической среды на древнейшие человеческие общества и культуры имеет первостепенное, принципиальное значение для науки. Народы и племена, относящиеся к разным расам, но попадающие в одинаковые географические условия, создают однотипные цивилизации. Таким образом, деспотический образ правления, обожествление царей и другие подобные явления никак не могут быть объяснены расовой принадлежностью того или другого древнего общества.

Здесь мы подходим к очень важной проблеме расы. Современная советская антропология делит все человечество на три большие расы: 1) экваториальная, или австрало-негроидная, 2) евразийская, или европеоидная и 3) азиатско-американская, или монголоидная¹⁶. Субъектами исторического процесса на древнем Востоке были народы этих трех рас, и, следовательно, культурное наследие древнего Востока — результат творчества разных народов этих трех рас. Имела ли какое-либо преимущество в плане культурного творчества одна из этих рас перед другой? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Сами расы в известной степени являются результатом влияния природы на человека: «Если обратиться к весьма древней эпохе начала дифференциации больших рас, то было бы неправильно отрицать на этом раннем этапе возможность некоторой селективной роли географической среды» (там же стр. 468). Позже смешение рас, а затем и народов стало «характерной особенностью человечества. Метисация была в течение десятков тысячелетий одним из факторов как формирования новых типов, так и сглаживания старых, причем интенсивность метисации все возрастала по мере увеличения этнических единиц» (там же, стр. 474).

В настоящее время, опираясь на многочисленные краниологические и другие исследования, можно считать бесспорно доказанным, что создатели и носители древнейших классовых культур, будь то в Египте или Китае, не представляют собой однородный «чистый» этнический тип. Про-

¹² Там же, стр. 53—54.

¹³ Там же, стр. 56—57.

¹⁴ Слово «теперь» относится к 1913 г., когда территория древней Вавилонии входила в состав Османской империи.

¹⁵ Тураев, ук. соч., I, стр. 60.

¹⁶ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 357.

цесс политического объединения уже на заре истории способствовал созданию крупных этнических объединений (народов), представлявших собой сплав разных этнических элементов. Мощная централизованная власть, объединявшая в крупные территориальные коллективы разнодиалектные, и, может, быть, разноязычные племена, способствовала созданию таких народов, которые имели свой единый письменный литературный язык, тогда как язык разговорный распадался на диалекты. Эти письменные литературные языки были мощным орудием создания и развития древних культур (египетской, шумерской, вавилоно-ассирийской и т. д.).

Важнейшей проблемой является проблема социально-экономической структуры древнейших классовых обществ.

Прежде всего надо подчеркнуть, что эти общества были именно древнейшими классовыми обществами, т. е. именно такими обществами, которые непосредственно вышли из недр первобытнообщинного строя, в котором не было никакого деления на классы. Уже в силу этого очень важного обстоятельства становится вполне объяснимым и понятным наличие в древнейших классовых обществах весьма ощутимых пережитков доклассового общества. Несомненно, что превращение доклассового общества в классовое является результатом не кратких и единовременных актов, а весьма длительных процессов. Далеко не всегда, к сожалению, представляется ясным тот неоспоримый факт, что зарождение и развитие классов и зарождение и развитие государства — необходимо параллельные, взаимопроницающие процессы, а не процессы, следующие в той или иной последовательности друг за другом. Таким образом, процесс зарождения и становления государства — такой же постепенный и длительный процесс, как и процесс зарождения и становления классов.

Подчеркнем, что эти процессы свойственны самостоятельной эволюции общества и не нуждаются во внешних факторах для своего объяснения. Напомним по этому поводу следующие слова Ф. Энгельса: «возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно с одной стороны происходит в чистом виде без всякого вмешательства внешнего или внутреннего насилия...»¹⁷.

Дальнейшее развитие производительных сил сопровождалось накоплением и концентрацией богатств в руках отдельных лиц. Появляется частная собственность. Слова Ф. Энгельса об Афинах «в эпоху, до которой простирается писаная история, земля уже поделена и перешла в частную собственность...»¹⁸ — вполне применимы и к обществам древнего Востока: об этом недвусмысленно говорят источники.

Здесь, конечно, возникает вопрос о характере этой частной собственности. Совершенно очевидно, что она не может быть тождественна частной собственности капиталистического общества. Но все же имущество, которое можно с известными ограничениями наследовать, завещать, покупать и продавать, арендовать, делить, дарить, — это имущество не может быть названо иначе, чем частная собственность, хотя она и зародилась и развивалась в недрах общины. В ряде стран древнего Востока мы находим именно такую частную собственность на землю наряду с общинными землями значительных контингентов земледельческого населения. Последнее обрабатывало эти земли парцелярно, а усадьбы и дома их находились в частном владении.

Говоря о классовых обществах древнего Востока, нельзя не задаться

¹⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 123.

¹⁸ Там же, стр. 112.

вопросом об их конкретной структуре. Необходимо в связи с этим хотя бы вкратце изложить историю этого вопроса.

В немарксистской историографии этой проблеме уделялось минимальное внимание. Историки-немарксисты исходили в своей концепции вовсе не из совершенно чуждого им понятия общественно-экономической формации, а из некоторых черт внешнего сходства в политической организации древневосточных обществ в определенные периоды их развития (например Египет в эпоху Среднего царства) с некоторыми чертами политической организации средневековых европейских и азиатских обществ и на этом основании декларировали феодальный характер древневосточного общества.

Однако эти чисто поверхностные явления никак не объясняют и не освещают классовую структуру древневосточных обществ, имевшиеся там классовые противоречия и метод эксплуатации непосредственных производителей, т. е. все то, что является важнейшим объектом подлинного научного исследования общества в свете материалистического понимания исторического процесса.

Итак, что же представляют собой древневосточные общества, какова их классовая структура? И чем они отличаются от обществ классической античности, от обществ Греции и Рима?

Материалистическое понимание истории рассматривает всемирный исторический процесс как последовательную смену прогрессивных (по отношению к предшествующим) общественно-экономических формаций, причем рабовладельческая формация предшествует феодальной¹⁹. Прогрессивность феодальной формации по отношению к рабовладельческой является незыблемым фактом (пока не будет доказано обратное). Поэтому с этой теоретической позиции утверждение о феодальном характере древневосточных обществ, хронологически и стадияльно предшествовавших античным рабовладельческим обществам, недопустимо. Во-вторых, этот тезис вместе с тем утверждает почти полное отсутствие исторических изменений в формах общественной жизни, ибо если, например, Египет был феодальным в эпоху Среднего царства (т. е. в XX—XVI веках до н. э.), то в эпоху мамелюков (т. е. в XIII—XVI веках н. э.) он тоже был феодальным, и, таким образом, феодализм в Египте продержался, как минимум, тридцать пять веков. Такая застойность общественного развития в стране, где культура и классовое общество возникли много раньше, чем во многих других районах земного шара, именно благодаря благоприятным географическим условиям, была бы необъяснимой.

Таким образом, с теоретических позиций утверждение о феодальном характере восточных обществ приходится отвергнуть. Как мы увидим ниже, исследование конкретного фактического материала полностью подтвердило этот вывод.

Некоторые ученые пытались доказать, что в древневосточных обществах господствовал азиатский способ производства. Но что такое «азиатский способ производства»? Какое социально-экономическое содержание вкладывали основоположники марксизма в этот термин, встречающийся у них рядом с термином «античный способ производства» и значение которого вполне ясно и понятно (рабовладение)?

«В работах К. Маркса и Ф. Энгельса мы не найдем детальной характеристики ни классового состава, ни форм эксплуатации в обществах азиатского способа производства... Разрозненные замечания Маркса и Энгельса, их наблюдения и анализ отдельных явлений экономической и социальной жизни стран Востока в разные эпохи каждый исследователь пы-

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 438.

тается привести в систему, руководствуясь своей логикой, своими представлениями о ходе исторического процесса в этих странах. Этим и объясняется такая пестрота в изображении азиатского способа производства и такая дискуссионность этого вопроса»²⁰.

Но все интерпретаторы основоположников марксизма согласны с тем, что «специфическими чертами азиатского способа производства, как и примитивной общины, следует считать общую собственность на землю»²¹. Один советский исследователь формулирует это положение несколько иначе: «Маркс и Энгельс во главу угла ставили не вопрос о форме общей собственности на землю, а вопрос об отсутствии частной собственности на нее. Именно этот момент, отмеченный еще в письмах Маркса и Энгельса в июне 1853 г., вновь подчеркивается в „Капитале“»²². А так как в странах древнего Востока частная собственность на землю, как это было сказано выше, факт несомненный, то общества древнего Востока не могут быть определены как общества азиатского способа производства. Вместе с тем следует подчеркнуть, что древневосточные общества отличаются от развитых рабовладельческих обществ классической античности.

Прежде чем коснуться существа дела, необходимо сделать несколько замечаний теоретического характера. Понятие общественно-экономической формации особенно в приложении к классовым обществам является «научной абстракцией, выделением и суммированием решающих признаков общественного производства. В чистой форме они никогда не имели места в действительности»²³. Понятие общественно-экономической формации обозначает не только «способ производства», но и классовую структуру определенной формации, указывает, какие антагонистические классы составляют эту формацию.

Отнесение какого-либо общества к той или иной формации зависит исключительно от определяющей (с экономической и политической точек зрения) формы эксплуатации. В рабовладельческой формации определяющей формой эксплуатации является рабовладение. Поэтому очень важна точная дефиниция «раба».

Основоположники марксизма дали такое определение. «Раб считается вещью, а не членом гражданского общества», — писал Ф. Энгельс²⁴. К. Маркс же определил раба следующим образом: «раб не продает свой труд рабовладельцу, так же как вол не продает своей работы крестьянину. Раб вместе со своим трудом раз и навсегда продан своему господину. Он товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. Сам он товар, но труд его не является товаром»²⁵.

Эти определения раба основаны на материалах античных обществ Греции и Рима, иначе говоря, в них речь идет о рабе античного типа. Акад. В. В. Струве, основатель советской науки о древнем Востоке, был первым выдающимся востоковедом, ставшим на путь исследования истории древнего Востока с позиций исторического материализма и первым поставившим вопрос о типе древневосточных обществ. Он не только поставил эту проблему, но в значительной мере разрешил ее своими многочисленными

²⁰ А. И. Павловская, По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «La Pensée» и «Eigene», ВДИ, 1965, № 3, стр. 94.

²¹ Н. В. Пигулевская, К вопросу об азиатском способе производства, там же, стр. 84.

²² Н. Б. Тер-Акопян, Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину, НАА, 1965, № 3, стр. 73.

²³ Е. Варга, Очерки по проблемам политэкономии капитализма, М., 1964, стр. 370 сл.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 4, стр. 325.

²⁵ Там же, т. 6, стр. 433.

исследованиями. В. В. Струве впервые обратил внимание на роль рабства в обществах древнего Востока и бесспорно доказал существование этого института в Месопотамии, Египте, Палестине и т. д. Вместе с тем он же указал, что древневосточные рабы античного типа не составляют основного контингента эксплуатируемой массы, что их численность сравнительно невелика. Несмотря на это В. В. Струве определил древневосточные общества как раннерабовладельческие. Это определение вызвало некоторую оппозицию в научном мире, и противники В. В. Струве утверждали, что неправомерно называть древневосточные общества раннерабовладельческими, поскольку в этих обществах численность рабов античного типа была невелика и их эксплуатация не была определяющим моментом в социально-экономической жизни древневосточных обществ. Однако противники В. В. Струве подходили к проблеме древневосточных обществ с параметрами именно античного рабства и поэтому по существу дела ломились в открытую дверь. Дело в том, что В. В. Струве, называя древневосточные общества рабовладельческими, имел в виду не относительную малочисленность рабов античного типа в этих обществах, а нечто совершенно другое.

Исследования структуры древневосточных обществ показали, что непосредственные производители в этих обществах состояли не только из общинников, не только из рабов античного типа, но и многочисленных зависимых людей, оторванных от средств производства и работавших на хозяина (коллективного или индивидуального) в плане внеэкономического принуждения. Эти люди еще не полностью превратились в собственную живую вещь хозяина, и их социальное положение обнаруживает в ряде случаев признаки, в какой-то степени напоминающие признаки, свойственные эксплуатируемому производителю при феодализме, что собственно и послужило поводом для некоторых ученых усматривать наличие феодализма на древнем Востоке. В. В. Струве именно этих зависимых людей и называет рабами. Иначе говоря, на древнем Востоке существовало два типа рабов: немногочисленные рабы античного типа и многочисленные рабы древневосточного типа. Последние не были еще столь обезличены как первые, они еще не созрели до рабов античного типа. Сам В. В. Струве этого положения в своих трудах нигде четко не сформулировал, но оно совершенно очевидно и напрашивается при внимательном изучении его трудов и приводимых им фактов.

Таким образом, эксплуатируемые древневосточных обществ состояли в основном из трех групп: 1) свободные крестьяне, 2) многочисленные рабы древневосточного типа; 3) немногочисленные рабы античного типа. Конечно, это не значит, что во всех древневосточных обществах были обязательно налицо все эти три группы, но это более или менее типичная структура для обществ всего древнего Востока в целом. Если классики марксизма дали вполне четкую и точную формулировку понятия «раб» для античности, то такого определения понятия древневосточного раба еще не существует.

Всякая общественно-экономическая формация, а следовательно, и метод эксплуатации непосредственного производителя является сугубо историческим, динамическим, а не статическим явлением. Античное рабство — не начальный, а конечный пункт многовекового развития рабства, и уже априори совершенно невероятно, чтобы на ранних ступенях своего развития рабство во всех своих аспектах было тождественно античному рабству. Подчеркивая качественное различие между античным и древневосточным рабовладением, В. В. Струве назвал последнее «ранним рабовладением». Следует подчеркнуть, что «раннее рабовладение» как социально-экономическое явление изучено еще далеко не достаточно и нам еще не вполне ясен механизм эксплуатации древневосточных рабов и все вопросы,

связанные с этим. Здесь еще предстоит огромная научно-исследовательская работа, так же как и в отношении древневосточной общины. Например, древнеегипетские источники не содержат никаких прямых указаний на общину и нам даже не известно ее название. Более того, мы не имеем никаких конкретных данных, подтверждающих или опровергающих ее существование.

Таким образом, социально-экономические отношения древневосточных обществ представляют для нас еще много неясного и было бы преждевременно утверждать, что мы также хорошо знаем его структуру как структуру обществ античных. Во всяком случае введенный В. В. Струве термин «раннее рабовладение» кажется наиболее удачным, так как древневосточные общества хронологически и стадияльно предшествовали развитым античным обществам Греции и Рима.

Однако вовсе не исключено, что та социально-экономическая структура, которую мы называем термином В. В. Струве — «раннее рабовладение», при более глубоком и детальном исследовании окажется каким-то новым, еще не известным науке типом общества.

Исторический материализм рассматривает исторический процесс как смену социально-экономических формаций, каждая из которых прогрессивна к предшествующей. В настоящее время в нашей советской науке известна схема пяти социально-экономических формаций. Но характеристика этих пяти формаций в целом зиждется на таком уровне знаний, который для наших дней может рассматриваться как уже пройденный этап наук: за последние десятилетия фактический материал, которым мы располагаем, неизмеримо увеличился, и многие новые факты не размещаются по этой схеме. Именно этим и объясняется возобновление многочисленных дискуссий об «азиатском способе производства» и т. д. Но если взглянуть на эту проблему шире и не стремиться уложить огромный новый фактический материал обязательно в схему пяти формаций и допустить существование в прошлом обществ, структура которых не гождественна с известными пятью формациями, многое может проясниться. Такое допущение ни в какой мере не противоречит существу и духу исторического материализма.

Первым, кто вышел за пределы схемы пяти формаций, был Ю. И. Семенов²⁶. Он усмотрел в древневосточных обществах ранее не известную и названную им «кабальной» формацию, которую он характеризует как формацию эксплуатации, представляющей собой еще не дифференцировавшиеся между собой, находящиеся в зачаточном состоянии и слитые в одно целое методы эксплуатации рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ.

Трудно согласиться с его характеристикой кабального метода эксплуатации: во-первых, этот метод — механическое соединение хорошо известных элементов рабовладения, феодализма и капитализма и, следовательно, он никаких принципиально новых методов не содержит: во-вторых, с теоретической и исторической точек зрения существование такого метода эксплуатации, как «кабальная», кажется маловероятным.

Переходя к сложным проблемам культуры народов древнего Востока, мы обязаны помнить, что бытие определяет сознание. Этим именно тезисом мы и должны руководствоваться в определении существа культуры древнего Востока.

Первый вопрос, который ставится в связи с этой проблемой, заключается в следующем: можно ли говорить об единой древневосточной культу-

²⁶ Ю. И. Семенов, Проблема социально-экономического строя древнего Востока, НАА, 1965, № 4.

ре, и если да, то в каком именно смысле, или термин «древневосточная культура» обозначает чисто механическое объединение различных, не имеющих ничего между собой общего, отдельных культур отдельных народов? На второй вопрос безо всяких затруднений можно ответить вполне определенно — отрицательно. Ответ же на первый вопрос значительно сложнее. Древневосточные общества по уровню производительных сил и производственных отношений в общем однотипны, но далеко не тождественны. Поэтому идеологическая надстройка этих обществ однотипна в принципе, но также далеко не тождественна. Культуры стран древнего Востока в принципе однотипны, но эта однотипность проявляется в конкретной разнородности, в зависимости от страны и эпохи. Например, в сфере религии мы наблюдаем как типичное явление политеизм с обожествлением стихийных сил природы и общества. Но в разных странах оформление и система политеизма весьма различны, различны и облик отдельных божеств и мифы о них. Например, космогонические мифы египтян и шумеров однотипны только в том, что именно боги-демиурги создали мир и людей, но в каком порядке и как они это делали, что сопутствовало этому процессу, и т. д. — все это совершенно различно.

Сохранность пережитков первобытнородового строя в идеологии древневосточных обществ весьма ощутима. Сохранность этих пережитков в виде элементов тотемизма, фетишизма, магии, культа мертвых и т. д. в разных обществах древнего Востока весьма различна, но в той или иной степени налицо повсюду. Пожалуй, одно из первых мест среди народов древнего Востока в этом смысле занимали египтяне. Именно поэтому изучение египетской религии представляет большой интерес для этнографии.

Уровень научных знаний (математика, медицина, география) почти тождествен, что объясняется уровнем социально-экономического развития.

В общем то же самое можно сказать об изобразительных искусствах, о литературе и т. д. Например, египетские скульпторы и скульпторы Двуречья настолько различаются между собой, что даже неспециалист легко различит их с первого взгляда.

Таким образом, несмотря на явные конкретные различия, культуры стран древнего Востока в принципе однотипны. Эту однотипность не нарушает и то обстоятельство, что одни страны иногда намного опережали другие в развитии той или другой отрасли техники или идеологии. Если в древней Индии и древнем Китае были созданы и разработаны настоящие философские системы (например, в Индии санхья и в Китае конфуцианство), то в Египте и Междуречье мы ничего подобного не находим.

Однако подобные явления, хотя и весьма значительные сами по себе, нисколько не противоречат тезису об однотипности древневосточных культур в широком плане, что и дает нам право говорить о существовании древневосточной культуры.

Как мы видели, древнейшими очагами культуры были долины великих ежегодно разливающихся рек Египта, Месопотамии, Индии и Китая. Эти очаги излучали и распространяли свою культуру на окружающие их страны и народы и таким образом втягивали их в сферу своего культурного влияния. Этот процесс сопровождался, естественно, множеством заимствований и подражаний.

Последние, конечно, часто подвергались переосмыслению и трансформациям в новой социальной среде. Яркий пример — клинопись, изобретенная шумерами на берегах Тигра и Евфрата и распространившаяся среди вавилонян, ассирийцев, хеттов, урартов, угаритян и др. народов иногда в модифицированном виде. Вместе с системой письма проникали и мифы, и литературные мотивы и т. д.

Эти древние очаги культуры, которые можно назвать «восточными античностями»²⁷, вместе с тяготеющими к каждому из них народами представляют собой особые культурные миры. Эти миры, как это вполне понятно, в глубочайшей древности не были связаны друг с другом; по крайней мере определенных данных, свидетельствующих о таких связях, у нас нет. Но с течением времени некоторые контакты должны были установиться. Так, например, между Египтом и государствами Двуречья в XVI в. установились несомненные культурные контакты²⁸. Однако это были контакты между уже вполне сложившимися и отстоявшимися культурами. Постепенно такие контакты разрастались и в эпоху эллинизма, а затем в Римской империи стали серьезным фактором культурного развития древнего мира.

История древнего Востока захватывает огромный период времени приблизительно в три с половиной тысячелетия—это период времени, намного превосходящий те периоды, которые приходится на долю феодального и капиталистического обществ.

Вполне понятно, что на протяжении этих тридцати пяти веков древневосточные общества имели свою историю, что они видоизменялись и развивались. В связи с этим возникает проблема характеристики культурно-исторического процесса на древнем Востоке. Дать такую подробную, точную и вполне исчерпывающую характеристику вообще едва ли возможно: состояние источников, которыми мы располагаем, не позволяет нам это сделать. Дело в том, что от разных периодов и из разных стран источники дошли до нас в разной степени полноты и сохранности, и что иногда почти полное отсутствие источников препятствует проследить процесс культурно-исторического развития в течение иногда столетий. В ряде случаев существенным препятствием является трудность филологической и исторической интерпретации источников, отсутствие полной уверенности в их смысле и значении.

Тем не менее все же возможно более или менее суммарно характеризовать несколькими общими чертами древневосточную культуру.

Прежде всего надо подчеркнуть, что и на древнем Востоке сказался всеобщий закон неравномерности исторического развития, и поэтому уровень культуры в целом отдельных стран древнего Востока в один и тот же хронологический момент не одинаков; наряду с этим наблюдается и неравномерность развития отдельных отраслей культуры по тем или иным причинам, так, например, военная техника Ассирии была значительно выше военной техники ряда других государств. Учитывая при этом и ту конкретную неоднородность отдельных культур, о которой говорилось выше и которая в какой-то степени является тоже результатом неравномерности исторического развития, мы получаем довольно-таки пеструю и разнообразную в своем конкретном проявлении картину однотипной по существу древневосточной культуры. В силу изложенного вряд ли возможно говорить о какой-то периодизации истории древневосточной культуры, как единого целого: одинаковые культурные и идеологические явления в разных странах далеко не всегда синхронны.

Для древневосточной культуры в области идеологии характерны следующие черты:

1. Наличие пережиточных представлений и идей, унаследованных из мировоззрения первобытнородового строя, о чем говорилось выше; стойкость и живучесть этих пережитков очень сильна, что объясняется, несомненно, тем, что наряду с собственниками, знатью и т. д. значительные массы жили в социально-экономических условиях земельной общины.

²⁷ В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева, Д. Г. Редер, Литература древнего Востока, М., 1962.

²⁸ М. А. Коростовцев, Писцы древнего Египта, М., 1962, стр. 100—112.

2. Господство в религии политеизма, наряду с которым на известном этапе исторического развития возникает осязаемая монотеистическая струя. Ее появление объясняется политической централизацией, возвышением локального бога до уровня общегосударственного, «царя богов». Но древние политеистические традиции слишком сильны и монотеистические элементы их полностью не вытесняют. Единственное исключение составляет Библия, памятник, однако, сравнительно позднего периода в развитии древневосточных обществ.

3. Вся человеческая культура рассматривается как откровение богов. В связи с этим именно храмы являются сосредоточением знаний (и в первую очередь медицины), а жрецы — их носителями. Все государственные институты в той или иной степени имеют сакральный характер, а власти и главы государств считаются либо воплощением, либо помазанниками богов. Сами по себе ценные практические научные сведения, добытые эмпирическим путем, самым тесным образом переплетены с религиозными воззрениями и всяческими суевериями.

«Нечего и говорить о том, что в настоящее время всякая религия является полной противоположностью науке. Но если мы посмотрим на историю религий, то в свое время таких „ножниц“ между наукой и религией не было. Когда-то наука совпадала с религией... Если мы посмотрим на древний Египет, то там представители религии — жрецы — вели громадные наблюдения метеорологического характера, знали, когда будет разливать рек, могли предсказать это; в области медицины и ряда естественных наук они также стояли на высоте достижений того времени»²⁹. То же самое можно сказать об этике, эстетике и т. д.

Но в недрах сакрального мировоззрения безостановочно происходило эмпирическим путем накопление ценных научных фактов, мало-помалу направлявших мысль на нерелигиозный путь: начиналось размыкание «ножниц», о которых писала Н. К. Крупская. В разных странах древнего Востока оно происходило различными темпами и достигло своего максимума (максимума для древнего Востока), пожалуй, в Индии и Китае.

4. Вместе с тем надо подчеркнуть господствовавшую на древнем Востоке религиозную нетерпимость: народам древнего Востока были чужды войны и вооруженная борьба под религиозными лозунгами. Сам по себе принцип многобожия исключает религиозную исключительность и порождает нетерпимость. Наоборот, он является предпосылкой синкретизма. Религиозный синкретизм — частое явление в истории древнего Востока. Так, в эпоху Нового царства египтяне, покорившие страны Восточного Средиземноморья, включали в свой пантеон божества побежденных ими народов, например, бога Решефа и богиню Анат.

Религиозная нетерпимость — спутник монотеизма. Примером этого является Библия с ее учением о единственном и всемогущем боге Яхве, не терпящим никаких других культов. В какой-то степени нетерпимость проявилась и в истории религии Египта во времена Амарны и борьбы сторонников Амуна и Атона (нетерпимость, не распространявшаяся, однако, на других весьма многочисленных членов египетского пантеона). Проявление нетерпимости в данном случае объясняется отнюдь не теологическими соображениями, а резким столкновением в борьбе за высшую государственную власть двух враждебных социально-экономических группировок, выступавших в религиозном облачении сторонников традиционного Амуна и нового бога Атона.

²⁹ Н. К. Крупская, Вопросы атеистического воспитания, М., 1961, стр. 118—120.

Одним из важнейших следствий веротерпимости было то, что на древнем Востоке религиозный догматизм, организационно оформленный (например, католицизма), не встречается. Понятий официальной ортодоксии и запрещенных ересей не существовало. Поэтому в странах древнего Востока мы обнаруживаем пеструю и мозаичную картину противоречивой религиозной жизни.

Уместно подчеркнуть, что наряду с древними традиционными взглядами уживался скептицизм (например, в Египте — «Песня арфиста», «Разговор разочарованного со своей душой», а в Индии и Китае — философские системы, содержавшие иногда и отдельные материалистические воззрения).

5. Все это не нарушило общего сакрального (не теократического!) характера древневосточного общества. В общем и целом сакральные элементы в идеологии, особенно в государственной организации, явно преобладали. О совершенно противоположном отношении к носителю государственной власти в Греции и странах древнего Востока ярко свидетельствует пример Александра Македонского: на Востоке его обожествляли соответственно древним традициям, в то время как в Греции над ним смеялись за то, что он принимал божеские почести. И это происходило одновременно! Наличие больших масс населения, живущих в социально-экономических условиях общины, и сакральный характер государственных институтов были основной причиной медленного развития древневосточных обществ в целом. Условия древневосточного общества не были благоприятны для формирования индивидуума — гражданина. Массы людей рассматривались как создания божества, обязанные безропотно подчиняться власти, представлявшей богов или ими одобренной. Но даже в этих условиях начинается становление сознания индивидуума как такового. Это становление происходит робко, ограниченно, но все же происходит и именно в правящих классах общества в первую очередь. Высвобождение человеческого ума из сакральных тенет происходит очень медленно, порой стихийно и несознательно, но все же происходит в силу закона прогрессивного развития всякого общества (иначе оно гибнет). Этот процесс происходит неравномерно: быстрее в Индии и Китае, гораздо медленнее — в Египте и Двуречье. И чем быстрее происходит этот процесс, тем быстрее общество накапливает культурные ценности, тем интенсивнее становится процесс культурного творчества: «ножницы», о которых говорила Н. К. Крупская, размыкаются.

Если это размыкание «ножниц» осуществилось полностью в Греции и Риме, где наряду с религиозной идеологией возникла и независимая от нее, а порой ей открыто враждебная светская идеология, если в Греции и Риме становление сознания индивидуума — гражданина можно констатировать как факт, то этого нельзя сказать про древний Восток в целом.

Вопреки широко распространенному взгляду, что на древнем Востоке индивидуальное авторство вообще не засвидетельствовано, удалось показать, хотя бы на примере Египта, что оно уже было известно как в изобразительных искусствах, так и в литературе³⁰. Это одно из первых проявлений сознания индивидуального творчества. Оно еще очень робко, не систематично, но все же оно существует и очень медленно, но неуклонно стабилизируется. Индивидуальное творчество в смысле авторства стало возможно лишь при наличии письменности.

6. Древнему Востоку была совершенно чужда идея расизма. Ярким примером этого является господство в Египте XXV династии, члены ко-

³⁰ М. Э. М а т ъ е, Роль личности художника в искусстве древнего Египта, Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока, IV, 1947; К о р о с т о в ц е в, Писцы..., стр. 74—99.

торой — негроиды — воспринимались египтянами как самые подлинные египетские фараоны; совместная жизнь шумеров и семитов в Двуречье и т. д. Нельзя недооценивать эти факты первостепенного значения. Отсутствие расизма способствовало самому тесному общению племен и народов между собой и совместному культурному творчеству.

7. Возникновение и развитие древнейших в мире очень сложных систем письма и появление на их базе в более поздние периоды истории древнего Востока алфавитных систем письма (например финикийского). Именно благодаря письму было возможно развитие древнейших в мире классовых культур. Появлению письменности предшествовал длительный, уходящий своими корнями в первобытнообщинный строй период коллективного устного творчества. Возникновение и становление письменности — длительный процесс, и на первых этапах этого процесса письменность не имела еще широкого распространения: устное слово, освященное традицией и приписываемыми ему магическими свойствами, играло еще огромную роль. Древний Восток сохранил нам в письменном виде ряд древнейших памятников, созданных устным коллективным творчеством и записанных уже во времена развитой письменности, таковы, например, в Египте «Тексты пирамид» в значительной своей части.

В историческом и стадийном плане культура древнего Востока предшествует культуре античной. Последняя, несомненно, многое заимствовала у народов древнего Востока и новые исследования неизменно подтверждают этот тезис, показывая, что это влияние было более глубоким и существенным, чем это полагали ранее. С другой стороны, античная культура, в своей основе самобытная, возникшая и развившаяся с совершенно иных условий, в гораздо более короткие сроки прошла приблизительно через те же ступени развития, что и древневосточная, и, пройдя их, двинулась дальше. Античная культура создала такие духовные ценности, которые являются антиподом религиозного мышления, и она противопоставила эти ценности религиозному мировоззрению. Это противопоставление с энтузиазмом восприняли гуманисты эпохи Возрождения в Европе и на нем в значительной степени зиждется современная европейская и мировая цивилизация.

THE CONCEPT «ANCIENT ORIENT»

M. A. Korostovtseva

There is no one opinion in the scientific literature as to the meaning of the term «Ancient Orient». For some scholars, for instance, it covers the society of ancient Crete, for others it does not. It is indeed difficult to give a quite precise and definite meaning to this term, for such a meaning must embrace the totality of the earliest class societies on our planet. The term «Ancient Orient» certainly integrates into one organic whole — typological and chronological, as well as geographical — the social phenomenon which it denotes. Nevertheless the chronological and geographical limits of the «Ancient Orient» remain to some extent vague and debatable. The question as to why the earliest class societies arose in the East is very important, and when one poses this question and looks into it one sees that geographical environment was a crucial determining factor of human evolution at the point of transition from primitive-communal social relations to class social structure. It should be emphasised that neither the racial nor the ethnic element played any role in this process, since the culture of the Ancient Oriental societies was created by peoples and tribes belonging to all three major racial groups — European, Negroid and Mongoloid.

To what social «formation» should Ancient Oriental society be ascribed? This problem has been vigorously debated for many years. Its final solution can only result from the

painstaking objective study of an enormous mass of sources which are themselves complicated and hard to interpret. A priori «theories» are speculative constructs divorced from the concrete data of the sources. It is clear, anyhow, that the societies of the Ancient Orient were not feudal societies, nor were they based on the «Asiatic mode» of production, since the latter presupposes the absence of private property in land, the presence of which has been established for all the societies of the Ancient Orient. Neither were these slave societies of the type found in Greece and Rome. V. V. Struve called the Ancient Oriental societies early slave societies, pointing out that ancient slave society was a historical phenomenon and as such had its beginning, culmination-point and decline. The beginning he saw in the societies of the Ancient Orient, and he presented many interesting arguments in support of this view. However, very many aspects of early slavery — such as, for example, the mode of exploitation, the relative importance of slave labour in the economy as a whole — have still been far from sufficiently illuminated, and there is still no quite satisfactory answer to the question as to just what «early slave society» is, in itself and in its relation to the process of social evolution in the Ancient Orient.

Армин Ейне

ПТОЛЕМАИДА И ЕЕ МЕСТО В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПТОЛЕМЕЕВСКОГО ЕГИПТА

ПТОЛЕМЕИ в отличие от соседних Селевкидов отказались от колонизации Египта путем основания греческих городов-полисов. Это и не было необходимостью. Египет представлял собою весьма централизованное государство с прекрасно налаженной системой управления, которую Птолемеи полностью переняли от своих предшественников и лишь немного модифицировали ее с учетом греко-македонского опыта. Чрезмерное распространение городской автономии греческого образца таило в себе опасность разрыва этой государственной целостности.

Единственным греческим полисом, основанным Птолемеями в Египте, была Птолемаида — «самый крупный из городов Фиваиды»¹. Неправильно было бы назвать исключением в традиционной политике Птолемеев основание этого города на юге страны, наоборот, оно было вполне закономерным. Это становится особенно ясно, если учесть, что обособленность Фиваиды, ее удаленность от государственного центра слишком затрудняли управление этой областью и препятствовали эффективному контролю над ней. Проблема ее управления стояла перед Птолемеями так же остро, как и перед египетскими фараонами². История эллинистического Египта ярко показывает, что центральной власти неоднократно самым серьезным образом приходилось налаживать отношения с отдаленной областью Фиваиды, которая к тому же была очагом постоянных смут и центробежных сил.

Птолемей I, зная о неустойчивости связи Фиваиды с Александрией и стремясь предотвратить возможные осложнения, основал на юге Египта греческую колонию³. Она была организована как полис, который получил имя своего основателя. Птолемаида стала центром управления Фиваидой, усиливая там влияние центральной власти. Птолемей решил опереться на греческое население, получившее в полисе свое государственно-правовое определение, для укрепления своей позиции в южной части Египта⁴ — «завоеванной копьями страны». Греки, противопоставленные уже через одну лишь полисную организацию туземцам, в свою очередь нуждались в поддержке сильной центральной власти и были готовы оказать этой власти

¹ Strabo, XVII, 1, 42.

² За исключением Нового царства, когда Фивы были столицей Египта.

³ SIG, III, 4925 Πτολεμαῖδος, ἡ ἐπὶ λίσσεν Σωτήρ Ἑλλήνων Νίλογενὲς τέμενος.

⁴ P. Grimal, Der Hellenismus und der Aufstieg Roms, Frankfurt am Main, 1965, стр. 176: Птолемаида — греческий центр в противовес египетским Фивам.